

## ОТ РЕДАКТОРА / EDITORIAL

Уважаемый читатель! Перед Вами очередной, третий по счету, выпуск «Известий Иркутского государственного университета», серии «История». Первые два выпуска привлекли внимание не только многочисленных, но, что приятно отметить, вдумчивых читателей. География отзывов и суждения читателей о журнале – важный вектор, позволяющий редакции судить о значимости, доказательной базе и характере публикуемых в журнале материалах, из востребованности научной общественностью и просто читающей публикой, всеми, кто интересуется историей России и Сибири как ее неразрывной составной части. Мы признательны всем читателям, высказавшим или приславшим свои суждения о журнале. При отборе материалов в журнал редакция и впредь будет следовать принципу научности, присущему классическому университету. Как и ранее, данный выпуск рассчитан на широкий круг читателей – это преподаватели, аспиранты и студенты российских и зарубежных вузов, академические работники, учителя истории и все интересующиеся отечественной и мировой историей во всем ее многообразии. Однако настоящий третий по счету номер журнала имеет свои особенности. По решению редакции в нем публикуются лучшие доклады и сообщения Всероссийской научной конференции, проведенной при поддержке РГНФ и посвященной 190-летию сибирских реформ М.М.Сперанского 1822 г.: «Имперский регионализм и сибирская идентичность».

Всего в конференции приняли участие около 70 человек, в том числе свыше 20 докторов наук, представляющих большинство регионов нашей необъятной Сибири: Алтайский, Красноярский, Забайкальский, Приморский, Хабаровский, края, Томская, Новосибирская, Тюменская, Иркутская области, республики Бурятия и Саха (Якутия). Почему же организаторы избрали именно эту проблему в качестве доминанты научной дискуссии?

В 2012 г. научная общественность отмечает два замечательных юбилея, связанных с именем выдающегося российского государственного деятеля и юриста М.М.Сперанского – 240 лет со дня рождения и 190-летие его «Учреждения для управления Сибирских губерний».

Выходец из семьи сельского священника, благодаря своим исключительным способностям и трудолюбию, Сперанский в короткий срок сделал блестящую карьеру. Превратности судьбы – отставка, ссылка, недоверие власти и общества не сломили этого сильного духом человека. В конце жизни Сперанский дослужился до высших государственных постов, получил титул графа и был награжден высшими государственными орденами. Он по сей день является яркой звездой российской бюрократии, признанным реформатором и выдающимся юристом. В историю российской юридической науки и практики Сперанский вошел как инициатор кодификации законов империи. Между тем, многие поколения сибиряков чтят память Сперанского не только как составителя Свода и Полного собрания законов Российской империи, а прежде всего, как сибирского генерал-губернатора.

Генерал-губернаторство Сперанского в Сибири было кратковременным, но впечатляющим по результатам. Сперанский управлял Сибирью в течение трех лет, с 1819 по 1822 гг., из которых почти два года он провел непосредственно за Уралом. За этот короткий срок он произвел «обозрение» огромного края и ревизию его управления, составил для правительства содержательный отчет и подготовил обширные законодательные предложения. Отчет Сперанского и его проекты обсуждались в Сибирском Комитете и, после утверждения императором, вылились в «Учреждение для управления Сибирских губерний» и ряд сопутствующих ему «Уставов». Сибирские реформы 1822 г. стали первым опытом комплексного регионального законодательства империи, основанного на геополитических особенностях Азиатской России. Они на длительный период определили структуру сибирской администрации и особенности местного управления, оформили правительственную политику в отношении коренного населения Сибири, оказали влияние на многие стороны жизни края. В отдельных частях законодательство 1822 г. сохраняло в Сибири силу до начала XX столетия. Все это делает реформу Сперанского одним из узловых вопросов истории Сибири.

Сперанский и его «конфиденты» через Сибирский комитет представили на рассмотрение Александру I пакет предложений, состоящий из 10 законопроектов: «Учреждение для управления Сибирских губерний»; «Устав об управлении инородцев»; «Устав о ссыльных»; «Устав об этапах»; «Устав об управлении киргиз-кайсаков»; «Устав о сухопутных сообщениях»; «Устав о городских казаках»; «Положение о земских повинностях»; «Положение о хлебных запасах»; «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами», которые были утверждены царем 22 июня 1822 г. Новую систему управления Сибири Сперанский попытался построить на компромиссе интересов верховной, т. е. самодержавной, власти с региональными особенностями и отчетливом понимании невозможности в тот период времени полностью подчинить Сибирь действию общеимперского законодательства. В сибирском законодательстве 1822 г. прежде всего обращают на себя внимание его тщательная предварительная подготовка. М. М. Сперанским и его помощниками, в первую очередь Г. С. Батеньковым; был собран и проанализирован огромный комплекс исходных материалов. Итоговый «пакет» законов в утвержденном виде не только поражает своим объемом – он состоит из 4019 параграфов, – но и отличается исключительно высоким для того времени качеством проработки правовых актов. Наиболее характерной его чертой стало стремление Сперанского обеспечить в новом законодательстве сочетание основополагающих политических принципов функционирования империи, сибирской специфики с решением общегосударственных задач.

Регионализм М.М.Сперанского проявился прежде всего в разделении Сибири на два генерал-губернаторства – Западной и Восточной Сибири. Тем самым по существу было положено начало тому административному разделению Сибири, которое сохранилось и по сей день. Региональными мотивами было навеяно предложение о создании двух Главных управлений и совещательных органов при них – советов. Этот же механизм вводился на уровне

губернии и округов (уездов). Создание Сперанским системы противовеса единоличной власти является, как представляется, уникальным явлением в российском законодательстве первой половины XIX в. Значительно позже, в 1860-х гг., нечто похожее можно наблюдать в других генерал-губернаторствах Азиатской России, например, в Туркестане. Однако в тот период времени это было принципиальным новшеством в законодательной практике, навеянным традиционным стремлением сибирской бюрократии к «самовластию». Коллегиальные советы и должны были, по замыслу Сперанского, стать гарантом законности принимаемых решений. Обращает на себя внимание состав Главных управлений, в которые под председательством генерал-губернатора входило по шесть чиновников: трое по назначению самого главного начальника края, а трое представляли интересы министерства внутренних дел, финансов и юстиции. В таком механизме формирования советов нашли сочетание принципы отраслевого, территориального и общегосударственного уровней управления, централизаторские и децентрализаторские тенденции. Эти же основы были зафиксированы в статьях закона, определяющих взаимоотношения генерал-губернатора с общегосударственными ведомствами, представленными в регионе: жандармской и почтовой службами, кабинетскими чиновниками, казенными палатами и др. Региональные мотивы особенно сильно проявились при разработке «Устава об управлении инородцев». Факт появления в российском законодательстве новой сословной категории – тому доказательство. Само слово «инородцы» в практику русского языка, в юридическую лексику вводится именно Сперанским. Оно отразило эволюцию взаимоотношений правительства с народами Сибири, глубину инкорпорации сибирских аборигенов в общегосударственные политические, экономические и социокультурные механизмы и процессы. Стремление Сперанского учитывать региональные особенности легко прослеживаются и на примере анализа других законов, составляющих комплекс «сибирского учреждения». Примером тому является регламентация податей и сборов, создание государственных запасов хлеба, заключение торговых сделок и т.д. Вместе с тем нельзя не заметить, что правовой регионализм Сперанского базировался на имперском законодательстве, его постулатах и имел строго дозированные пределы. В «сибирском учреждении» 1822 г. легко прослеживаются идеи Екатерининского Учреждения о губерниях 1775 г., провозгласившего принцип единоначалия в лице генерал-губернатора как исключительно доверенной от императора особе. Сперанский вовсе не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть. В условиях абсолютной монархии это было невозможно, да Сперанский и не желал этого. Однако он попытался поставить деятельность региональной власти в строго определенные рамки законодательства, что явилось несомненным новшеством для региона и империи в целом. В то же время сам факт наличия генерал-губернаторской власти, пределы и существо которой не были четко прописаны в законодательстве, усложнял вопрос о подчинении ей учреждений различных ведомств, порождал нежелательные, с точки зрения правительства, дискуссии и вопросы. Представляется, что генерал-губернаторская власть

вносила определенный элемент децентрализации в систему управления, что явилось прямым порождением противоречий внутренней политики самодержавия в первой половине XIX в. «Непоследовательность Александра по делам внутреннего благоустройства сказывалась на всех мероприятиях», – так охарактеризовал великий князь Николай Михайлович внутреннюю политику своего венценосного предка. В такой характеристике видится нам прежде всего сочетание имперских принципов и регионализма в законодательстве 1822 г. В этом смысле «сибирское учреждение» вполне вписывалось в палитру общероссийского законодательства об управлении окраинами государства, т. е. находилось в русле общегосударственной политики. Как известно, в 1809 г. Финляндия, бывшая шведская провинция, после присоединения к России получила автономный статус Великого княжества Финляндского, положение которого было весьма привилегированным даже «по сравнению с коренными областями империи». В декабре 1815 г. император Александр I «даровал конституцию Польше», считавшейся по тем временам верхом либерализма в Европе. На Кавказе, который представлял собой весьма пестрый конгломерат этносов и религий, проводится административная реформа, имевшая целью прочнее увязать этот важный в стратегическом отношении регион с Россией, но в тоже время построенная с учетом местных этнических, религиозных и иных традиций. Расширение территории государства и как следствие, усложнение внутривластных, в том числе и управленческих, задач, выдвигали перед правительством задачу поиска путей инкорпорации новых территорий в общеимперское пространство. Одним из таких способов и стала разработка регионально-территориального законодательства, в котором отчетливо отражались геополитические особенности конкретных территорий. Сибирское законодательство 1822 г., основы которого были разработаны в Иркутске, логично вписывалось и дополняло доктрину окраинной политики самодержавия. Оно стало первым опытом комплексного регионального законодательства в империи, действовавшим без существенных изменений вплоть до конца XIX века и опередившим общероссийскую кодификацию на десять лет. Изложенные выше рассуждения о родоначальнике политики имперского регионализма, и самой сути этой политики, как представляется, весьма корреспондируются с особенностями проблемы взаимоотношения центра и регионов в современной России. Исторический опыт должен быть востребован. Незнание ведет к небрежению. А нам, сибирякам, есть что помнить и чем гордиться. Вот почему организаторы в качестве основной проблемы научной дискуссии избрали вышеназванную тему.

*Д-р ист. наук, профессор  
Л. М. Дамешек*

*Doctor of Historical Science, Professor  
L. M. Dameshek*